71 7/145

Ф.XXI 7/145
Ф1 7/145
Гос. Публ. Библ. в-ка НКП РСФСР
Инвент. № 371254
— 193 г.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

(В. Ю. ХОРОШЕВСКІЙ),

РУССКІЙ БУКВАРЬ ДЛЯ ПОЛЬСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Изданъ по распоряженію Варшавскаго Учебнаго Округа для употребленія въ начальныхъ училищахъ Округа. (изданіе первое). Варшава. Въ Типографіи Варшавскаго Учебнаго Округа. 1876. — 16° maj., XX+80+II стр.

Прежде всего позволительно сомнѣваться в безусловной вѣрности положеній автора, что „обучать *одновременно* польской и русской азбукѣ — пріемъ весьма вредный“ (стр. V), что „ребенокъ не можетъ приступить къ изученію русскаго языка до тѣхъ поръ, пока не ознакомится съ русской азбукой“ (стр. V) и т. д. Если эти положенія автора не совсѣм вѣрны, то точно так же и общая задача и практическая цѣль книжки имѣют значеніе лиш только временное, преходящее и вполнѣ зависят от личных политических вкусов. Об их абсолютном, безусловном значеніи и примѣняемости даже рѣчи быть не может. Оставляя однакоже в сторонѣ практическую точку зрѣнія и задачу разбираемой книжки, мы должны увѣрить читателей, что в чисто педагогическом отношеніи она принадлежит к самым замѣчательным произведеніям этого рода. Без преувеличенія можно сказать, что до сих пор не было книги, которая давала бы возможность в так же скором времени знакомить польских дѣтей с основными особенностями русскаго языка. Метод автора превосходен: съ его помощью ребенок не только выучивается по русски, но еще отлично развивается в умственном отношеніи. Метод этот состоит в постоянном

сравненіи обоих языков, языка отечественнаго, в данном случаѣ польскаго, съ языком усваиваемым, то-есть, русским. Кромѣ того, здѣсь соблюдается строжайшая послѣдовательность и научная точность при постепенном переходѣ от предметов болѣе легких к предметам болѣе трудным. Во введеніи, предшествующем самому букварю (Объясненіе къ „русскому букварю для польскихъ дѣтей") (стр. III — XX), автор характеризует вообще свой метод (стр. V — VII), и сверх того дает подробное объясненіе отдѣльных частей букваря и способа пользоваться ими (стр. VII — XX).

Чтобы избѣжать затрудненій, встрѣчаемых при одновременном обученіи двум азбукам, польскія слова пишутся здѣсь русскою азбукой, и сообразно с принципами русской графики. Стало-быть, обученіе польской азбукѣ должно быть дѣлом болѣе поздняго времени. Если вопрос поставлен таким образом, то несомнѣнно подобное примѣненіе азбуки и графики усваиваемаго языка к обозначенію звуков и слов языка отечественнаго является отличным педагогическим средством, облегчающим в высокой степени обученіе чужому *книжному*, литературному языку. Точно так же Русскій, желающій научиться читать по польски, нашел бы громадное пособіе в руководствѣ, в котором русскія слова были бы напечатаны польскою азбукой, согласно с принципами польской графики. Жаль только, что основное физіологическое различіе нѣкоторых по видимому тожественных звуков того и другаго языка дѣлает строгость и точность в этом отношеніи совершенно невозможными, и даже весьма часто ведет к недоразумѣніям и ложным представленіям об усваиваемом (т. е. русском) языкѣ и письмѣ. Избѣжать этих недоразумѣній можно, только обладая необыкновенною осмотрительностію и тонким дидактическим тактом. Раз же засѣвши в голову ребенка, названныя недоразумѣнія и ложныя представленія устраняются только с большим трудом. Примѣры подобных промахов и неточностей встрѣчаются и в разбираемом букварѣ. И так, между прочим, польскій звук *c'* обозначается нашим автором через русское *ць* (стр. XII), польское *dz'* — через сочетаніе русских букв *дз* (стр. XIII) и т. д., тогда как эти звуки, с одной стороны, польскіе *c'* и *dz'*, с другой же, согласные, которые могут выражаться русскими буквами *ць* и *дз*, если принять основаніем их значеніе в примѣненіи к русскому языку, при-

надлежат к совершенно различным физіологическим категоріям. Вслѣдствіе сего польскій ребенок, привыкшій произносить русскія *ць* и *дз* как польскія *c'* и *dz'*, в послѣдствіи времени и русскія слова в родѣ *цѣлый*, *церковь* и т. п. будет произносить на польскій лад, а именно *ciełyj*, *cierkow'* и т. д. То же самое относится и к сочетаніям русских буквъ *с*, *з* и т. д. со знаками гласных небных или „смягчающих". Для избѣжанія подобных неудобств нѣт другаго средства, как только прибѣгнуть к тому же способу, который примѣнен автором для польских носовых гласных и для польскаго *rz*, а именно, ради названных спеціально польских звуков, чуждых русскому языку, пополнить русскую азбуку спеціальными, особыми буквами, все равно вполнѣ ли новыми, или же взятыми, например, из азбуки сербской и других. Так, по крайней мѣрѣ, велит научная точность и дидактическая добросовѣстность. Имѣя все это в виду, мы должны подобное примѣненіе оптом русской азбуки к обозначенію звуков польскаго языка считать гораздо менѣе полезным в педагогическо-дидактическом отношеніи, нежели оно могло бы быть при соотвѣтственных измѣненіях и дополненіях, требуемх спеціальными физіологическими особенностями польскаго языка.

Большим недостатком разбираемой книги слѣдует считать отсутствіе примѣров, объясняющих основную особенность русской *графики*, состоящую в том, что не отдѣльные звуки обозначаются отдѣльными буквами и сочетаніями букв, как это, с незначительными исключеніями, имѣет мѣсто в польской графикѣ, но только *сочетаніями* букв выражаются *сочетанія* звуков, другими словами, что русская графика есть не буквальная или звуковая, но *силлабическая* или *поскладная*. Выдвинуть на первый план с помощью соотвѣтственных примѣров названную особенность русской графики было бы весьма желательно даже в русском букварѣ, предназначенном для русских дѣтей; а уж нечего говорить о букварѣ для дѣтей польских, которыя должны вѣдь будут перейти со временем к польской или латинской азбукѣ, в примѣненіи ея к польскому языку. Педагог, не принимающій во вниманіе мѣстных потребностей, в особенности же в книгѣ для дѣтей, поступает себѣ довольно непрактично.

В связи с отсутствіем соотвѣтственной характеристики русской графики, автор смѣшивает буквы и звуки, гово-

ря, напримѣр, о „звуках“ *е*, *ё*, *ё̂*, *ю*, *я*, *ѣ* и т. п. (стр. VIII, XV, XVI, XX и т. д.), раздѣляя то, что́ не должно быть раздѣляемо, видя два окончанія, *омъ* и *ёмъ* (стр. XX), там, гдѣ, собственно говоря, имѣется только одно, *омъ*, считая гласным звуком букву, означающую гласный вмѣстѣ со смягченіем предшествующаго согласнаго (стр. XV и др.) и т. д.; а между тѣм всѣ тѣ и тѣм подобныя неточности могут производить только весьма вредное вліяніе на умы учащихся. —Вслѣдствіе того, что наш автор, даже в теоріи, не признает существованія звука *j*, объясненіе, почему *т* и *д* раз смягчаются в русском языкѣ в *ть* и *дь*, в польском в *ць (c')* и *дзь (dz')*, другой раз в русском в *ч* и *ж*, а в польском в *ц (c)* и *дз (dz)*, оказывается, именно съ его точки зрѣнія, совершенно невозможным (стр. XIII, XVII, XVIII). —Пиша польскія слова русскою азбукой, излишне, по моему, рабски переносить в них разныя тонкости русскаго правописанія, не оправдываемыя ни фонетически, ни морфологически, ни даже этимологически. К разряду подобных тонкостей слѣдует причислить прежде всего введеніе в русско-польское правописаніе русскаго *ѣ* (стр. XV, XVI, 24, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 45, 51 и т. д.), тѣм болѣе, что сам автор не может с полною послѣдовательностію писать его во всѣх словах, употребляя вмѣсто него, с одной стороны, букву *э* послѣ *ц* и *дз* (стр. XVIII, 32, 45 и т. д.), с другой же стороны,— *а* или *я* там, гдѣ старословянскому *ѣ* соотвѣтствует польское *а* (стр. XV—XVI, 31 и т. д.). Если отличать *ѣ* в польских словах, то развѣ так, как это сдѣлал ксендз Малиновскій, то-есть, пиша особую букву или же буквы, долженствующія выражать этот гласный, вездѣ, гдѣ его мнимое существованіе основано на соотвѣтствіях старословянскаго языка. К той же категоріи лишних тонкостей русскаго правописанія, перенесенных в польскія слова, принадлежит, во первых, отличеніе букв *и* и *і*, смотря по тому, какая буква слѣдует за ними (стр. 25, 26, 27, 28, 43, 47 и т. д.), и затѣм, употребленіе знака *ъ* („еръ“) в концѣ польских слов.—Наоборот, оставлены без вниманія различія между буквами, необходимыя в польском правописаніи. Так напримѣр, наш автор не отличаетъ в своей транскрипціи польскаго *g* от *h* (обыкновенно произносимаго *ch*), и пишет *ганьба (hańba)*, равно как и *наглы (nagły)*, *нôгъ (nóg)* и т. п. (стр. 51).

Слишком общим образом и неточно выражается автор, утверждая, что „польскимъ слогамъ *ло*, *ро* (*лô*, *рô*) послѣ согласныхъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ языкѣ *оло*, *оро*“ (стр. XVI); так как есть вѣдь много слов, напримѣр, *брод*, *гроб*, *плот* и т. д., в которых встрѣчаются *ро*, *ло* как в польском, так и в русском языкѣ. Что русскія формы с *ла*, *ра*, напримѣр, *гласъ*, *младость*, *злато*, *среда* и т. п., остались от языка „древнерусскаго“ (стр. XVI, 34, 37), позволяем себѣ отрицать самым положительным образом; эти формы вошли в русскую письменность, а затѣм и в русскій язык (как сѣверный, великорусскій, так и въ южный, малорусскій) исключительно только из письменности церковно-словянской или старословянской. Слово *серебро*, польское *srebro*, не принадлежит вовсе к той категоріи, что́, напримѣр, *берег*, *дерево*, *середа*, и т. п., польскія *brzeg*, *drzewo*, *środa* и т. д. (стр. XVI, 37); потому что его основно-словянская форма есть *sĭrebro*, старосл. *сьребро*, тогда как *берег* и т. д. произошли из основно-словянских *bergŭ*, *dervo*, *serdā* и т. д., старосл. *брѣгъ*, *дрѣво*, *срѣда* и т. д. По польски говорится собственно *prôm* (*прôмъ*), а не *prom* (*промъ*, стр. 35); рядом же с предлогом *przed* (*предъ*, стр. 37) существует тоже существительное *przód* (*прôдъ*, *прёдъ*).

Нельзя сопоставлять, как слов, тожественных этимологически, польскаго *skrzydło* (*скридло*) и русскаго *крыло* (стр. 38), поль. *dercę* (*дэрцэ*) и рус. *тончу* (стр. 47) и т. д. Равным образом поль. *kwitł* (*квитлъ*) и рус. *цвѣлъ* (стр. 38), поль. *między* (*медзы*) и рус. *между*, поль. *gorący* (*горацы*) и рус. *горячій* (стр. 47), хотя происходят от тѣх же корней, все же таки не тожественны по своему составу и образованію.—20-е отдѣленіе II-ой части (стр. 49—50) составлено вполнѣ ненаучно. Отличаются ли польское *krakać* (*кракацъ*) и русское *каркать* только перестановкою (ср. стр. XVIII), дѣло во всяком случаѣ довольно сомнительное. — Наконец, не было бы излишне обратить вниманіе учеников на то, что в родительном пад. ед. ч. муж. и средн. р. прилагательных и мѣстоименій русская буква *г* произносится *в* (*w*) (стр. 23, 24, 25 и т. д.).

Конечно, для букваря, как букваря, совершенно все равно, каково содержаніе помѣщенных в нем предложеній и разсказов,

лиш бы только эти предложенія и разсказы вели к главной цѣли, то-есть, к быстрому усвоенію извѣстной азбуки и извѣстнаго правописанія, а съ их помощью извѣстнаго книжнаго, литературнаго языка. Однакоже мы привыкли обращать вниманіе и на содержаніе или внутреннюю сторону выраженій и разсказов, помѣщаемых в подобныхъ книжках, тѣм болѣе что они составляют иногда главную умственную пищу учащихся дѣтей. Поэтому то и автор русскаго букваря для польских дѣтей заслуживает полнаго одобренія всѣх благонамѣренных людей за то, что с помощью изреченій и нравственных правил, помѣщенных в букварѣ, старается вселить в молодых сердцах набожность и повиновеніе кому слѣдует (ср., напр., стр. 21, 26, 27, 29 — 30, 33, 34, 38, 39, 41, 43, 45, 49, 55, 56, 76, 77, 80). Средоточіем всего этого является изреченіе, что *„вѣра даетъ намъ мудрость“* стр. 33). Кстати еще одно замѣчаніе относительно содержанія книжки. Значительное большинство *„польскихъ дѣтей“*, для которых предназначен букварь г. Хорошевскаго, то-есть, большинство дѣтей Варшавскаго Учебнаго Округа, принадлежит к римско-католическому вѣроисповѣданію; по ученію же этого вѣроисповѣданія, равно как и по ученію вѣроисповѣданія евангелическаго, „чти отца твоего и матерь твою“ составляет *четвертую* заповѣдь Божію, а не пятую (стр. 59).

Как я уже выше упомянул, выбор метода, котораго придерживается наш автор, можно назвать только весьма удачным. Он состоит в постепенном переходѣ от предметов болѣе легких к предметам болѣе трудным. Букварь состоит из трех частей. Первая из них имѣет задачею ознакомить учеников со всѣми буквами русской азбуки и пріучить их к бѣглому чтенію этой азбуки. Большим подспоріем является здѣсь рисунок: предметы, изображенные на картинках, имѣют совершенно тѣ же названія в обоих языках, как в польском, так и в русском, названія, не отличающіяся друг от друга даже удареніем. Сверх того одновременно с чтеніем ученик должен упражняться в письмѣ, и именно писать читаемыя буквы и русскія слова. В виду этого страница, помѣщенная во главѣ первой части, представляет составныя части письменных русских букв, с которых и должно начинать ученіе. Вторая часть букваря практически ознакамливает ученика с звуковыми соотвѣтствіями языков

польскаго и русскаго, и таким образом дает ему в руки ключ, с помощью котораго, имѣя данное польское слово из области извѣстной фонетической категоріи, он может „угадать“ или возсоздать соотвѣтствующее русское слово, конечно, если это русское слово существует. Это, собственно говоря, есть не что́ иное, как краткая сравнительная фонетика языков польскаго и русскаго, представленная практическим и самым наглядным образом. Эта часть, основанная исключительно на самостоятельных изслѣдованіях автора, составляет его неоспоримую заслугу. Ея послѣднее отдѣленіе (стр. 50—51) дает примѣры польских и русских слов, тожественных в фонетическом отношеніи, но различных по отношенію к значенію. Наконец, послѣдняя, III-я, часть является просто небольшою христоматіею, главным образом из извѣстных русских писателей. Во второй части всѣ русскія слова снабжены зна́ком ударенія; здѣсь же, в III-ей части, онѣ напечатаны без всякаго ударенія. На сколько это цѣлесообразно и не слишком ли рано, не знаю. Во всяком случаѣ я позволяю себѣ сомнѣваться в большом вредѣ постояннаго чтенія по книгѣ, в которой удареніе указывается извѣстным зна́ком (стр. XX).

Я старался показать недостатки разбираемой книги со всею строгостію самаго взыскательнаго критика. В заключеніе же позволю себѣ повторить, что она является лучшею, и даже единственною в своем родѣ.

И. Бодуэн-де-Куртенэ.

Краков, август 1876 г.

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 8 апрѣля 1877 года.

Деканъ *Н. Буличъ.*

Казань. Типографія Университета. 1878.

HISTORYCZNY OBSZAR POLSKI. Przez Wincentego Pola и т. д. Kraków. W drukarni c. k. Uniwersytetu Jagiellońskiego и т. д. 1869. **RZECZ O DIJALEKTACH MOWY POLSKIÉJ.** (Историческая область Польши. Викентія *Поля* и т. д. Краковъ. Въ типографіи и. к. Ягелленскаго университета и т. д. 1869. *Разсужденіе о діалектахъ польской рѣчи*). 8°, стр. 74.

Обыкновенно всѣ здравомыслящіе люди полагаютъ, что, напримѣръ, сапожникъ или же портной не въ состояніи дѣлать хорошіе столы и стулья, если онъ не обучался тоже столярному ремеслу. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ согласиться, что недостаточно писать весьма удачные стихи и стихотворенія и съ успѣхомъ заниматься географическими изслѣдованіями для того, чтобы, безъ всякаго приготовленія, разсуждать тоже о лингвистическихъ вопросахъ и рѣшать ихъ съ увѣренностью непогрѣшимаго. Однакоже многіе польскіе ученые (равно какъ и многіе ученые другихъ народовъ) были до сихъ поръ совершенно другаго мнѣнія, и въ особенности съ лингвистикою они вовсе не церемонились. Точно такъ же и г. Поль, въ силу своего авторитета, пріобрѣтеннаго поэтическою и географическою дѣятельностью, считалъ себя въ правѣ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ языковѣдѣнія, взяться за рѣшеніе такихъ сложныхъ лингвистическихъ вопросовъ, какими являются, между прочимъ, вопросы діалектическіе. Разумѣется, что изъ подобнаго предпріятія ничего не вышло, и что предлежащая книга Поля ниже всякой критики. Поэтому, собственно говоря, и не стóило бы вовсе о ней упоминать, еслибъ не то обстоятельство, что любой ученый можетъ соблазниться заглавіемъ и въ „Разсужденіи о діалектахъ польской рѣчи“ искать научныхъ данныхъ объ этихъ діалектахъ, теряя такимъ образомъ время совершенно напрасно.

Отношеніе Поля и ему подобныхъ ученыхъ къ историко-этнографическимъ вопросамъ совершенно просто и не замысловато. Слѣдуетъ только согласиться, что политическіе предѣлы независимой Польши до перваго ея раздѣла совпадаютъ тоже съ предѣлами этнографическими, то-есть, что „историческая область Польши“ („historyczny obszar Polski“, ср., напр., стр. 73) „отъ моря до моря“ („od morza do morza“, стр. 37) тожественна съ этнографическою областью польскаго языка, и дѣло съ концомъ. Все остальное развивается само собою изъ этого основнаго положенія. Разумѣется, Польша явится тогда по необходимости „центральнымъ пунктомъ (средоточіемъ) Славянства“ („środkowym punktem Sławiańszczyzny“) (стр. 7), литературный польскій языкъ будетъ своего рода національнымъ договоромъ („transakcyją narodową“) Польши, Литвы и Руси (стр. 10) и т. д.

При такомъ взглядѣ на польскую діалектологію, и относительно критеріумовъ отдѣленія однихъ діалектовъ отъ другихъ, за совѣтами къ наукѣ ходить нечего. Вотъ, напримѣръ, какія различія видитъ авторъ между разными діалектами (говорами): въ нихъ народъ или „растягиваетъ“ („przeciąga), или „поетъ“, или „сокращаетъ“, или „торопится“ („spieszy“), или „*шадитъ*“ („szadzi“, то-есть, какъ кажется, вм. *с, з, ц* произноситъ *ш, ж, ч*), или „мазуруетъ“ (*с, з, ц* вм. *ш, ж, ч*), или „цякаетъ“, или „дзякаетъ“, или „протягиваетъ“ („przewleka“), или „недоговариваетъ“, или „поетъ“, или „затягиваетъ“ („zawodzi“), или „носуетъ“ („nosuje“), или „мямлетъ“ („bełkoce“), или „глотаетъ“, или „давитъ“ („dławi“) (стр. 6). Такія то поверхностныя свойства служатъ почтенному автору отличительными чертами одного діалекта отъ другаго! Эти то, по его мнѣнію, отличительныя черты діалекта онъ называетъ „акценто-тоникою неписанною, но сохраняемою въ каждомъ отдѣльномъ діалектѣ по обычаю“ (стр. 6). — Кромѣ того мы узнаемъ отъ знаменитаго лингвиста, что „діалектъ образуется (wyrabia się) всегда за много вѣковъ до развитія литературнаго языка сообразно съ правильностью уѣздной“ („prawidłowość powiatowa“, стр. 9), что „Краковякъ не углубляется въ великія истины, но оцѣниваетъ ихъ важность по послѣдствіямъ“ (стр. 24), что въ великопольскомъ діалектѣ встрѣчается „возвышеніе гортаннаго голоса, презрительное отрѣзываніе (ucinanie) словъ и держаніе рѣчи на холодной высотѣ степенности“ („trzyma-

nie mowy na chłodnéj wysokości powagi“, стр. 25—26), что діалектическій оттѣнокъ столицы (Варшавы) сосредоточиваетъ въ себѣ „хробацкую простоту, краковское краснорѣчіе, сандомірскую сердечность и поэзію, высокую нравственную полировку (ogładę) діалекта любельскаго“ (стр. 49) и т. д., что „осмотрительность и великая рефлексія рѣчи, умѣренность и мѣткость выраженій, простота и рѣшительность въ способѣ изъясняться (prostota i stanowczość dykcyi), наконецъ догадливость въ указаніяхъ (domyślność wskazówek) — вотъ характеристическія черты *бѣлорусскаго* діалекта“ (стр. 58). Кромѣ этихъ общихъ, по большей части совершенно пустыхъ фразъ, мы напрасно доискивались бы чего нибудь посодержательнѣе и потолковѣе. Наивность автора доходитъ даже до того, что онъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей главною, „самою общею чертой малопольскаго діалекта“ считаетъ его „самое обширное и болѣе всѣхъ другихъ развѣтвленное употребленіе (upowszechnienie) въ исторической области Польши“ (стр. 30) и то обстоятельство, что „правильность малопольскаго діалекта была причиною того, что онъ вдругъ могъ сдѣлаться литературнымъ языкомъ“ (стр. 31).

У нашего автора діалекты, подобно рѣкамъ, преспокойно себѣ плаваютъ. Такъ, между прочимъ, хробацкій діалектъ приплылъ въ Варшаву вмѣстѣ съ Вислою (стр. 49) и т. п. — По его (автора) вполнѣ справедливому мнѣнію, діалекты польской рѣчи есть фактъ; причины же и основанія этого факта слѣдуетъ искать „въ предвѣчной стройности (порядкѣ) божьихъ предвидѣній“ („w odwiecznym ładzie przejrzeń bożych“) (стр. 3).

На этихъ общихъ началахъ г. Поль основываетъ отграниченіе и характеристику отдѣльныхъ польскихъ діалектовъ. Къ польскимъ же діалектамъ, по его ультра-патріотическому мнѣнію, принадлежатъ не только „діалектъ хробацкій“ (оттѣнки: „собственно хробацкій“, „силезскій“, „краковскій“) (стр. 17—24), „великопольскій“ (оттѣнки: „Одраковъ“, „Палужанъ“, „куявскій“) (стр. 24—28), „малопольскій“ (оттѣнки: „въ области нижней Вислоки, Вислока и Сана“, „сандомірскій“, „любельскій“) (стр. 28—37), „мазовецкій“ (оттѣнки: „подляскій“, „литовскаго пограничья“, „Гборовъ или Мазуровъ на поозерьѣ прусскомъ“, „Варміи польской“, „*Кашубовъ*“, „Варшавы“) (стр. 41—51), „литовско-польскій“ (стр.

59—61), по тоже „діалектъ *бѣлорусскій*“ (стр. 51—59) и „діалектъ *опольскій* или южнаго Ополя“, то-есть, ни болѣе ни менѣе, какъ *нарѣчіе малорусское* по Днѣпръ (!!) (стр. 61—72).—И такъ мы видимъ, что все здѣсь исполнено по реценту людей, смѣшивающихъ бывшіе политическіе предѣлы съ предѣлами этнографическими. Все, что ни есть славянскаго на земляхъ бывшей Польской Рѣчи - посполитой, все это должно де и этнографически принадлежать польскому племени. Хорошо еще, что, по крайней мѣрѣ, за литовскими нарѣчіями знаменитый лингвистъ изволилъ оставить их самостоятельность и не причислилъ ихъ къ „діалектамъ польской рѣчи“.—Видя это безпардонное поглощеніе Бѣлоруссовъ и Малоруссовъ вездѣсущими Полянами (ср., между прочимъ, стр. 54), читая, что чумацкія, козацкія и бурлацкія пѣсни поются Поляками (стр. 63) и т. п., по неволѣ вспоминаешь покойнаго Каниферстана (Kaniverstan), которому принадлежало все, что ни видѣлъ въ Амстердамѣ ничего по голландски не понимавшій Нѣмецъ. Но вѣдь Каниферстана, хотя и съ необыкновенною торжественностью, все же таки похоронили.

Изъ того, что бѣлорусское и малорусское нарѣчія причисляются къ польскимъ діалектамъ, и впрочемъ причисляются только по Днѣпръ, — за Днѣпромъ же азіатскіе дикари,—далѣе изъ того, что кашубское нарѣчіе считается здѣсь только оттѣнкомъ мазовецкаго діалекта (стр. 43, 48), и т. д., мы должны составить себѣ не слишкомъ лестное понятіе о лингвистической подготовкѣ нашего автора вообще и объ его діалектическихъ знаніяхъ въ особенности. Поэтому и ко всѣмъ остальнымъ его „діалектамъ“ и „оттѣнкамъ“ мы должны относиться крайне недовѣрчиво и считать ихъ скорѣе плодами болѣзненной фантазіи воодушевленнаго поэта-географа, нежели результатомъ серіезныхъ занятій непредубѣжденнаго лингвиста.

Поль находитъ связь между правильною долготой (?) предпослѣдняго слога въ польскомъ языкѣ и музыкою полонеза или польскаго танца. Хотя это замѣчаніе и остроумно, все же таки его слѣдуетъ отнести къ такимъ же ни на чемъ не основаннымъ плодамъ фантазіи ученаго автора. Но оно, покрайней мѣрѣ, имѣетъ еще кое-какой смыслъ. Этого нельзя сказать о многихъ другихъ заявленіяхъ и увѣреніяхъ автора, которыя поэтому нужно подвести подъ категорію

такъ называемой чепухи. Чепуха же здѣсь троякаго сорта: чепуха поэтическая, патріотическая и просто чепуха.

Въ области поэтической чепухи мы встрѣчаемъ прежде всего заявленіе, что „Сандомірскій оттѣнокъ отличается энергіею мысли и нѣжностью чувствъ („rzewnością uczuć"), плавнымъ краснорѣчіемъ и живописнымъ разсказываніемъ, великимъ пониманіемъ звуковъ природы, какъ согласныхъ рѣчи, и гласныхъ, характеризующихъ сознательную индивидуальность" (стр. 35—36) и т. д.—Сюда же принадлежатъ мотто (девизы) изъ польскихъ поэтовъ, Красинскаго и Воронича, совершенно неумѣстныя в разсужденіи о діалектахъ. Вотъ какія изреченія Красинскаго служатъ девизомъ нашему діалектологу: „У кого нѣтъ солнца въ себѣ, кто составленъ изъ однихъ только подвижныхъ лунъ,—или же, напротивъ того, кто сдѣлался единственно только неподвижною точкой и растерялъ всѣ другія свои небесныя тѣла, отпалъ отъ сходства съ Создателемъ, тотъ потерялъ достоинство своего духа" („Kto nie ma słońca w sobie, kto tylko z księżyców ruchliwych złożon — lub przeciwnie, kto jedynie tylko jednym punktem niewzruszonym się stał i potracił wszystkie inne swoje ciała niebieskie, ten odpadł od podobieństwa ze Stwórcą, ten utracił godność ducha swojego...."). „Найди путь свѣта, и подымешься въ нескончаемость" („Znajdź drogę światła, a wzbijesz się w nieskończoność"). „Я кроваво сражался на этой землѣ съ возлюбленными за ихъ собственное достоинство!" („Biłem się krwawo na téj ziemi z kochanymi o ich własną godność!"....).— Мотто изъ Воронича уже нѣсколько опредѣленнѣе, но все же таки они совершенно не подходятъ къ разсужденію о діалектахъ.

Чепухи исключительно патріотическаго свойства гораздо болѣе, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ все разсужденіе есть по преимуществу плодъ одностороннягo патріотизма. Такъ, между прочимъ, г. Поль увѣряетъ, что считать малорусское нарѣчіе различнымъ отъ польскаго „вредно національному дѣлу" („ze szkodą narodowéj sprawy" стр. 69), что „тенденціозные филологи" указываютъ на церковно-славянскій, какъ на „первоначальный источникъ нашего" (то-есть, польскаго) „языка" (стр. 74) и т. д. Весьма забавна слѣдующая тирада: „Еще яснѣе станетъ правда организма польской рѣчи, если мы сравнимъ его съ организмомъ *московскаго*" (то-есть, русскаго) „языка, которому въ

дѣйствительности на поверхности земли не соотвѣтствуетъ ни одинъ діалектъ; ибо извѣстно, что Москва не произвела діалектовъ, но единственно только литературный искусственный языкъ, по указу" (стр. 74). O sancta simplicitas!

Просто чепуху, хотя тоже не безъ примѣси поэзіи и патріотизма, я вижу прежде всего въ слѣдущихъ изреченіяхъ: „Литература и лексикологія есть скорѣе только *дочь* литературнаго языка, а *внука* польской рѣчи" (стр. 2). „Человѣкъ вноситъ племенные гласные; мѣстная природа даетъ согласные рѣчи" (стр. 4). „Бѣлорусскій діалектъ сохранилъ еще отчасти носовые звуки и звуки польской рѣчи" (стр. 54). „Діалектъ Опольскій" (то-есть, малорусскій) „ставитъ удареніе" („przycisk"), на другіе слоги, не на предпослѣдній, но на первый и третій" (стр. 64) и т. д. Нашъ глубокомысленный лингвистъ считаетъ „мазурованье", то есть, замѣну звуковъ *ш*, *ж*, *ч* звуками *с*, *з*, *ц* „весьма первоначальнымъ (древнимъ, кореннымъ) признакомъ" („cecha bardzo pierwotna"), основываясь, между прочимъ, на томъ, что на всемъ „историческомъ пространствѣ" („historyczny obszar") Польши „мазуруютъ" маленькія дѣти, учась произношенію польскаго языка, и что чѣмъ живѣе темпераментъ дѣтей, тѣмъ болѣе они мазуруютъ" (стр. 42). Точно также весьма древній признакъ угодно видѣть нашему автору въ томъ, что „Гбуры" (Gbóry) передъ начинающимъ слово гласнымъ *о* ставятъ ł (*л*), говоря, напримѣръ, *łoczy* вм. *oczy* (стр. 47; къ несчастью, добродушный лингвистъ не зналъ, что буква ł въ этихъ случаяхъ означаетъ чисто губное *w*, такъ какъ въ этомъ говорѣ звукъ *л* замѣненъ именно этимъ чисто губнымъ *в* (*w*)).—Занимательна тоже этимологія слова „gbór" (собственно *gbur*), которое, по мнѣнію автора, означаетъ не невѣжественныхъ мужиковъ, какъ обыкновенно полагаютъ, но людей, живущихъ къ лѣсамъ, къ борамъ („K'bóry"), стало-быть, слово „Gbór" однозначно со словомъ „Podlasiak" или „Poliszuk" (стр. 46—47). Не умно, но дешево.

Нашъ авторъ заблагоразсудилъ возвести ложныя показанія на Шафарика, приписывая ему мнѣнія, которыхъ онъ никогда не высказывалъ, а именно что „Польша, по отношенію къ языку, есть центральный пунктъ Славянства" (стр. 7), и что „Бѣлая Русь населена Поляками" (стт. 56). Эти мнимыя мнѣнія Шафарика, говоритъ Поль, тѣмъ болѣе истин-

ны, что Шафарикъ былъ де непріятель Поляковъ („nieprzyjazny nam“, стр. 56).

Изъ всего выше сказаннаго мы выводимъ заключеніе, что, съ лингвистической точки зрѣнія, разбираемая книжка Поля есть полнѣйшее ничтожество, котораго въ глазахъ безпристрастныхъ и здравомыслящихъ людей не искупаютъ ни обильныя сентиментальныя словоизверженія, ни даже завѣреніе, что „факты, собираемые безъ предубѣжденія въ теченіе многихъ лѣтъ и относимые къ (географической) картѣ, объяснили языковой организмъ исторической области Польши и поставили его оборонительно (obronnie) въ сферѣ науки, основаннымъ на фактахъ“ (стр. 72). Жалкое же „testimonium paupertatis“ далъ себѣ авторъ, заявляя, что его и Духинскаго труды дополняютъ взаимно другъ друга (стр. 74). Ambo meliores.

Самъ Поль признаетъ, что настоящій трудъ его чисто географическаго свойства (стр. 3). Это подтверждается тоже общимъ положеніемъ, что „діалекты будутъ раздѣляться такъ, какъ раздѣляются области семи главныхъ рѣкъ, и будутъ соединяться съ собою такъ, какъ болѣе значительные притоки сливаются съ главными рѣками“ (стр. 13). И въ самомъ дѣлѣ географическія соображенія автора и общія отграниченія діалектовъ (напримѣръ, стр. 40 — 41, 45, 48 и т. д.) не лишены нѣкотораго научнаго значенія и интереса.

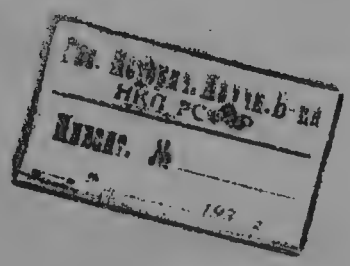
И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Горица, май 1873 г.

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань, 11 марта 1877 г.

Деканъ *Н. Буличъ.*

Казань. Типографія Университета. 1878.



СОПУФ 1877 КРИТИКА И БИБЛІОГРАФИЯ